

Автобиография и «взрыв»:
способы возведения и преодоления границы
между автором и героем
(повесть Ж.-П. Сартра «Слова»)

Айгуль Р. Гиматдинова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petiteprince1558@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка определения границы между автором и героем, которая заявлена в качестве ведущей интенции в автобиографической повести Ж.-П. Сартра «Слова». Категория границы, как одна из центральных в семиотике культуры, представляется удобным инструментом для анализа автобиографического нарратива, конвенционально пограничного литературного жанра, и понимается как область столкновения двух разных сфер – природы и культуры. Граница, не отделяющая текст от референции, которую он описывает, и, как следствие, образ автора или героя от Автора-творца, но соединяющая их. Были выделены такие маркеры границы, как: театрализация жизненного опыта, ироническая дистанция, как прием, рефлексия о достижимых пределах правдивости автобиографического нарратива и о содержании индивидуальной памяти, использование культурной памяти в качестве объясняющего контекста. В заключение сделаны выводы о том, каким образом эксплицированное проведение границы позволяет автору дистанцироваться от личного опыта, но не до конца исключить себя из написанного текста и сохранить документальность как некое качество.

Ключевые слова: граница, Сартр, автобиография, память, воображение, экзистенциализм

Для цитирования: Гиматдинова А.Р. Автобиография и «взрыв»: способы возведения и преодоления границы между автором и героем (повесть Ж.-П. Сартра «Слова») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 6. С. 130–139. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-130-139

Autobiography and “explosion”.
Ways of erecting and overcoming
the boundary between the author and the hero
(the story of J.-P. Sartre “Words”)

Aigul' R. Gimatdinova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
petiteprince1558@gmail.com*

Abstract. This article attempts to define the boundary between the author and the hero, which is declared as the leading intention in J.-P. Sartre's autobiographical novel “Words”. The boundary – category, as one of the central ones in the semiotics of culture, seems to be a convenient tool for analyzing the autobiographical narrative, a conventionally borderline literary genre, and is understood as an area of collision of two different spheres – nature and culture. The boundary that does not separate the text from the reference which he describes, and as a consequence the image of the author or character from the Author-Creator, but connects them. The article identifies such boundary markers as: theatricalization of the life experience, ironic distance as a technique, reflection on the achievable limits of the truthfulness in an autobiographical narrative and on the content of individual memory, the use of cultural memory as an explanatory context. Summarizing the article conclusions are drawn about how the explicit contouring of the boundary allows the author to distance himself from personal experience, but not completely exclude himself from the written text and preserve documentary as a certain quality.

Keywords: border, Sartre, autobiography, memory, imagination, existentialism

For citation: Gimatdinova, A.R. (2022), “Autobiography and ‘explosion’. Ways of erecting and overcoming the boundary between the author and the hero (the story of J.-P. Sartre ‘Words’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 130–139, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-130-139

Понятие границы – одно из ключевых в семиотике и имеет двойственное значение: она одновременно и разъединяет, и сводит к одной черте семиосферу (сферу культуры) и внесемиотическую реальность (сферу природы), а также внутрисемиотические явления, такие как языки, жанры, нарративы, между собой [Лотман 2010]. Это понятие представляется рабочим при анализе автобиографии, как конвенционально [Местергази 2007; Lejeune 2015] пограничного жанра, существующего в поле напряжения между докумен-

тальным и эстетическим – крайними режимами работы культуры. Внешняя (по Лотману) граница, граница между сферой культуры и природой – пресуппозиция для любого автобиографа, она имманентна. Она же является условием возникновения границы между автором и образом автора или героя, но уже трансцендентной, отрефлексированной. Научная традиция, основоположником которой стал Бахтин [Бахтин 1986], аксиоматически допускает, что любой человек представляет из себя нечто большее, чем любой текст, который он может написать о себе, поэтому теоретическая проблема, как правило, формулируется через понятие границы как рубежа, удерживающего, в том числе, и дисциплинарные рамки филологического дискурса. В данной статье будет предпринята попытка анализа явлений, которые в автобиографическом тексте вступают в противоборство, ощущающееся скорее как попытка перевода и преодоления, чем дистанцирования, но двух размежеванных, читать как разграниченных, явлений – автора и героя.

Автобиографическая повесть Сартра «Слова» является одним из множества, но наиболее удачным текстом для апробирования гипотезы о том, что граница между автором и героем – это отрефлексированный конструкт, в основу которого положены концепции личности, правдивости, искренности, памяти и воображения, неотделимые от эпистемы эпохи. Иначе говоря, как емко эту проблему сформулировала Л. Гинзбург в исследовании «О психологической прозе»: «соотношение между концепцией личности, присущей данной эпохе и художественным ее изображением» [Гинзбург 1977, с. 5]. Также Гинзбург проблематизирует понятие «перевода» как систематизации жизненных фактов посредством языка психологической прозы, т. е. особой знаковой системы [Гинзбург 1977, с. 30]. Лотман возводит идею перевода в общий закон действия культуры – именно она является мельчайшей единицей любого интеллектуального акта [Лотман 2010, с. 16]. Коммуникация всегда предполагает переход, пересечение семиотической (языковой) границы и/или взаимоналожение различных семиотических пространств (языков, культурных кодов). Об этом же говорит в автобиографии и Сартр: «Такова уж природа слова: говоришь на своем языке, пишешь на чужом», имея в виду именно перевод своего «Я» на язык знаков, с помощью которых возможна коммуникация с адресатом текста.

В первую очередь, стоит сказать о жанровой природе текста. Проницательные издатели еще в 1966 г. определили ее как повесть. «Слова» действительно являются повестью [Тамарченко 2008, с. 169], так как, во-первых, ключевой для «Слов» является проблема этического выбора, его границ и обратной стороны – судьбы как

невозможности выбирать. Этот выбор совершается многократно, Сартр пишет только о тех ситуациях выбора в своей жизни, когда ему нужно было решить, быть писателем или не быть. Во-вторых, его рассказ о первых годах жизни можно редуцировать до ситуации самоопределения – это универсальный опыт, близкий любому человеку. Анализ прошлого опыта приводит его к рассуждениям о том, что выбор, который он сделал, не является ни хорошим, ни плохим, ни возвышает, ни унижает его достоинство:

Но что остается, если я понял неосуществимость вечного блаженства и отправил его на склад бутафории? Весь человек, вобравший в себя всех людей, он стоит всех, его стоит любой¹.

И, наконец, в-третьих, трактовка центрального события – самоопределения – как примера, то есть одного из множества подобных событий.

Выбор формы объясняется во многом теми философскими концепциями, которые разрабатывал Сартр. В основе философии экзистенциализма лежит понятие экзистенции – существования, которым обладает каждый индивид, определить которое, кроме как указывая на него (да-зайн, оно существует) пальцем, не представляется возможным, поскольку оно находится в процессе становления. Существование индивида – это не совокупность событий, произошедших с ним в течение жизни, а совокупность выборов, которые он свободен делать. Внутренняя логика выборов складывается в сущность человека, иначе говоря, образует его личность. Но сущность противоположна существованию, как смерть противоположна жизни.

Человек появляется в мире, действует и только потом определяется. Мы есть то, что мы делаем. Именно наше существование, наш постоянный выбор и есть мы [Сартр 1989, с. 321].

Написание автобиографии – это превращение существования в сущность, живого человека в героя. Той же точки зрения придерживался и Бахтин, осмысляя это превращение в других категориях.

Главный инструмент перевода – обращение к культурной памяти, в том смысле, в котором ее понимает Я. Ассман, как феномен коллективного сознания, выраженного в знаках культуры [Ассман 2004]. Для Сартра, детский опыт которого полностью состоял из чтения художественной литературы, такими знаками становятся любимые книги – герой «Пардайянов» Мишеля Зевако и Пьер

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: *Сартр Ж.-П.* Слова / Пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. М.: АСТ, 2016. 224 с.

Корнель как канонизированный святой французской литературы. Это две противоположные сущности, два полюса, между которыми металась душа юного писателя:

Я был писателем-рыцарем, меня рассекли надвое, каждая половинка стала самостоятельным человеком, они встретились и вступили в спор: Пардалянь был не глуп, но не написал Дон Кихота; Сервантес неплохо дрался, но нечего было рассчитывать, что он один сможет обратить в бегство двадцать рейтаров (с. 150).

Закономерным в автобиографии является упоминание и сравнение себя с героем прустовского около автобиографического произведения:

Поистине, я точно прустовский Сван, излечившийся от любви и вздыхающий: «Надо же мне было так испортить себе жизнь из-за женщины, которая вовсе не в моем вкусе!» (с. 141).

Культурные символы служат здесь средством коммуникации не только писателя с читателем, но и писателя с внешним миром:

Напрасно я стал бы искать в своем прошлом пестрые воспоминания, радостную бесшабашность деревенского детства. <...> Книги были для меня птицами и гнездами, домашними животными, конюшней и полями (с. 39).

Перевод, тем самым, и является способом возведения границы между личностью и ее текстовым воплощением. В угоду коммуникации с адресатом автор отказывается от индивидуальных черт, преподнося свою личность как поле битвы различных типов литературных героев. При этом писателя совершенно не интересует контекст внешний по отношению к семейному. То, что мы сейчас называем историческими событиями, для современника эпохи не имеет такого статуса и потому не кажется важным с точки зрения самоопределения, что противоречит идее Хальбвакса о непреложной исторической рамке, в которой одной и можно отрефлексировать собственную историю (см. [Хальбвакс 2007]). Автобиография, представляющая собой историю становления личности (*l'histoire d'une personnalité*), в которой основной упор делается на личность, а не на историю, нуждается в коллективных рамках, но коллектив этот ограничен узким семейным кругом.

Наиболее интересными с точки зрения анализа границы кажутся редкие фрагменты рефлексии о содержании памяти. Например:

То, что я написал сейчас, ложь. Правда. Не ложь и не правда, как все, что пишется о безумцах, о людях. Я воспроизвел факты с максимальной точностью, насколько мне позволила память. Но в какой мере я сам верил в свой бред? Это самый главный вопрос, меж тем я не знаю, как на него ответить (с. 58).

Такое обнажение замысла и пределов достижимости его воплощения – можно ли поведать о своем существовании правду, если возможности памяти ограничены? – возводят непреодолимую преграду между автором и героем. Автобиография как документ, призванный удостоверить [Каспэ 2010, с. 10] существование личности, отрицающая свою документность, может спастись только в признании, что пишет о некоем герое, бытие которого в мире имело место. Но именно в этом проговаривании интенции автор и обнаруживает себя в тексте, разрушая границу между текстом и собой как автором-творцом.

Еще одним общим местом в автобиографических штудиях является идея о фабульной недетерминированности нарратива [Гинзбург 1977, с. 29]. Дирк Кемпер, для того чтобы внести хотя бы иллюзию порядка, предлагает использовать для описания автобиографического повествования категории контингентной и когерентной связи, смысла и исходной цели, позволяющие видеть в тексте не просто совокупность разрозненных фактов, а найти логику в порядке их изложения [Кемпер 2008, с. 12]. «Словам» свойственна скорее когерентная связь мотивов и поступков героя, то есть такая, которая предполагает наличие некоего внешнего закона, который у Сартра выражается в категории «судьбы». На главный вопрос всей его жизни «почему я стал писателем?» он методично отвечает, вспоминая условия, при которых происходило его взросление, семейные события и роль родственников во возвращении в нем уверенности в наделенности особым талантом – писать.

Мое «я», мой характер, мое имя – все было в руках взрослых; я приучился видеть себя их глазами, я был ребенком – это идол, которого они творят из своих разочарований (с. 71).

Само наличие главного вопроса и есть, по Кемперу, смысл, внутренняя направленность жизни, то есть линейность нарратива, которая является художественным приемом.

Наличие опосредующего жизненный опыт закона – еще один маркер границы. Присутствие «закона» обнаруживается на двух уровнях, которые целесообразно разделять: театрализации жизни и образа «я», а также иронии как нарративного приема.

Театрализация жизни – попытка схватить некую постоянно ускользающую характеристику сущности. Любое свое явление и движение Сартр обозначает как театральный жест или позу, мало общего имеющих с истинным «Я» (которое сам писатель всегда берет в кавычки, дополнительно подчеркивая условность этого самообозначения, ведь до конца «я» познать невозможно). Ощущение неестественности, лживости поведения порой доходит до предела: «...моим реальным “я” могло навсегда остаться чередование обманов». Сартр неспроста наделяет героя-ребенка такими характеристиками, ведь «...читатель уже понял, я ненавижу свое детство». Преодоление детства как точки отсчета его писательского пути, избывание писательской своей ипостаси (известно, что «Слова» – последнее художественное произведение Сартра, после этого он писал только работы публицистического характера) отделяет не только образ автора от условного героя, но также и в реальности создает что-то вроде точки невозврата.

Ирония служит той же цели, что и театрализация как средство «психотерапевтического отрицания собственного прошлого» [Шуринова 2017, с. 201]. Но если театрализация заставляет сомневаться в искренности Сартра как личности, то ироническая дистанция вызывает подозрения в достоверности изложенных фактов биографии в целом. Исповедальный текст, с точки зрения читателя, выглядит гораздо более правдивым, ведь чем серьезнее человек относится к своей жизни, тем, вероятно, более обличающим будет и сам текст. Иронический модус, напротив, ассоциируется с карнавальной культурой, с лицедейством, доведенной до предела игрой – противоположным полюсом правдивости.

И последнее, что стоит отметить: в своих визионерских детских опытах Сартр не способен отделить память от воображения:

Благодаря этим нехитрым сдвигам я уже не отличал воображения от памяти. Уже однажды написанные фразы перестраивались у меня в голове со стремительной неотвратимостью (с. 123).

Подвергая сомнению содержание памяти, писатель дистанцируется от собственного прошлого, от нарративной субстанции [Анкерсмит 2003], созданной посредством написания текста, но «взрывает» условную границу между самим нарративом и собой как автором-творцом, обнаруживая себя в тексте.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что категория границы, понимаемая как зона взаимодействия размежеванных феноменов, позволяет интерпретировать автобиографический текст как постоянную борьбу за завершение проекта личности,

которая изначально признается проигрышной, поскольку, отграничивая я-в-прошлом от я-сейчас, автор превращает рефлексию в текст, застревая между строк, посвященных описанию героя. Экспликация границы, как предела, парадоксальным образом «взрывает» ее самим фактом обнаружения. При этом прошлая сущность действительно превращается в другого по отношению к автору, но сам нарратив остается связанным с автором замысла и, как следствие, с личностью.

Литература

- Анкерсмит 2003 – *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. М.: ИдеяПресс, 2003. 360 с.
- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 9–191.
- Гинзбург 1977 – *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 449 с.
- Каспэ 2010 – *Каспэ И.М.* Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 48 с.
- Кемпер 2008 – *Кемпер Д.* Принципы организации автобиографического повествования // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2007. № 9/08. С. 11–22.
- Лотман 2010 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера // Культура и взрыв. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
- Местергази 2007 – *Местергази Е.Г.* Литература non-fiction/non-fiction. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
- Сартр 1989 – *Сартр Ж.-П.* Сумерки богов // Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
- Сартр 2016 – *Сартр Ж.-П.* Слова / Пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. М.: АСТ, 2016. 224 с.
- Тамарченко 2008 – *Тамарченко Н.Д.* Повесть прозаическая // Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 358 с.
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Шуринова 2017 – *Шуринова Н.С.* Текстоброющая ирония в «Словах» Ж.-П. Сартра // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 198–202.
- Lejeune 2015 – *Lejeune P.* Le pacte autobiographique. Paris: Le Seuil, 2015. P. 13–46.

References

- Ankersmit, F.R. (2003), *Narrativnaya logika* [Narrative logic], IdeaPress, Moscow, Russia.
- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1986), "Author and hero in aesthetic activity", Bakhtin, M.M., *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 9–191.
- Ginzburg, L.Ya. (1977), *O psikhologicheskoi proze* [About psychological prose], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, Russia.
- Halbwachs, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory], transl. from French and foreword by S.N. Zenkin, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Kaspe, I.M. (2010), *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost' v russkoi literature 2000-kh* [When Things Speak. Documentation and Documentness in Russian Literature of the 2000s], Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki Moscow, Russia, 48 p.
- Kemper, D. (2008), "Principles of organization of autobiographical narrative", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 9, pp. 11–22.
- Lotman, Yu.M. (2010), Semiosphere, Lotman, Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Iskusstvo – SPb, Saint Petersburg, Russia.
- Lejeune, P. (2015), *Le pacte autobiographique* [The autobiographical pact], Le Seuil, Paris, France, pp. 13–46.
- Metestrhazi, E.G. (2007), *Literatura non-fikshn/non-fiction* [Non-fiction literature / non-fiction], Sovpadenie, Moscow, Russia.
- Sartre, J.-P. (1989), "Twilight of the Gods", Sartre, J.-P. *Ekzistentsializm eto gumanizm* [Existentialism is a humanism], Politizdat, Moscow, Russia, pp. 319–344.
- Sartre, J.-P. (2016), *Slova* [Words], transl. from French by Yu. Yakhnina and L. Zonina, AST, Moscow, Russia.
- Shurinova, N.S. (2017), "Text-forming irony in the 'Words' by J.-P. Sartre", *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 17, no. 2, pp. 198–202.
- Tamarchenko, N.D. (2008), "The novel", *Poetika: slovar' aktual. terminov i ponyatii* [Poetics. Dictionary of current terms and concepts], Izd-vo Kulaginoi, Intrada, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Айгуль Р. Гиматдинова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; petiteprince1558@gmail.com

Information about the author

Aigul' R. Gimatdinova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; petiteprince1558@gmail.com